

МИФОЛОГИЧЕСКИЙ ДСКУРС В ТВОРЧЕСТВЕ М.А. КУЗМИНА (НА ПРИМЕРЕ СТИХОТВОРЕНИЯ «ПОЛЯ, ПОЛОЛЬЩИЦА, ПОЛИ!»)

Шейна Оксана Геннадьевна (Тамбов, Россия)

В статье рассматриваются особенности реализации поэтом мифологических образов, контаминация персонажей разных мифологических систем в одном тексте, цепь возникающих после прочтения ассоциаций и возможные варианты интерпретации ключевых образов.

Ключевые слова: поэзия М.А. Кузмина, миф об Озирисе и Изиде, мифологический мотив воскресения, образ бессмертного искусства.

Abstract: the realization of mythological images, contamination of characters from different mythological systems in the text, associations that appears after reading and the variants of key images interpretation are analyzed in the article.

Keywords: M.A. Kusmin' poetry, myth about Osiris and Isida, mythological motive of resurrection, the image of immortal art.

Стихотворение «Поля, полольшница, поли!» (1922) является тринадцатой по счету и одновременно завершающей частью цикла «Стихи об искусстве», входящего в сборник «Параболы». При первом прочтении обращают на себя внимание выразительные ассонансы и аллитерации, сложное композиционное строение, меняющийся ритмический рисунок составных частей, экспрессивная интонация (из 26 предложений – 18 восклицательных).

Стихотворению свойственны некоторые особенности, которые выделяет Н.А. Богомолов, характеризуя часть текстов из более раннего сборника М.А. Кузмина «Эхо»: «Взвинченная интонация, исполненная восклицаний и вопросов, разорванные и нарочито неточные рифмы, очень резкие инверсии, непривычные словообразовательные модели, столкновение возвышенного и низменного, ввод в стихотворение далеко не всем известных мифологических образов, отсылки к загадочным для читателя текстам нередко создают впечатление невнятицы, зауми, едва ли не футуристических опытов» [Богомолов 1995, 20]. «Поля, полольшница, поли!», безусловно, не является примером зауми, но требует от читателя детального знания сюжетной линии мифа об Озирисе и Изиде. Например, в трехтомном

собрании стихотворений М.А. Кузмина стихотворение сопровождается следующим комментарием В.Ф. Маркова:

«В этом стихотворении символ искусства – Изида, собирающая части брата-мужа Озириса – по известному египетскому мифу. Озирис был растерзан, подобно Орфею (и Дионису), а после воскрешения стал править загробным миром (поэтому и Изида – подземная царица). [...] Изида – "жница": она открыла пшеницу и ячмень и была египетским эквивалентом Деметры-Цереры. К ней взывали жнецы, срезав первый стебель. [...] Неясен источник образов полки, полоскания, сжигания и перемалывания (хотя все они под конец "объясняются") – во всяком случае, в миф о Изиде и Озирисе они как будто не входят»[Кузмин 1977, 678].

В стихотворении переплетаются образы египетских мифологических героев Озириса и Изиды, древнегреческих Адониса и Психеи. Собранные в одном тексте боги и богини иллюстрируют процесс умирания и возрождения в природе: богиня плодородия Изида, ее супруг Озирис, царь загробного мира; отождествляемый с ним Адонис, проводящий полгода в царстве Аида и возвращающийся в мир живых весной. С образами богов и богинь контрастирует образ полольщицы, напоминающий о реальном мире и обыденном трудовом процессе. С одной стороны, данный образ связан с мотивом плодородия напрямую: прополка растений способствует их интенсивному росту и хорошему урожаю; с другой стороны, слово «полольщица», не являясь специальным термином, все же принадлежит к группе сельскохозяйственных понятий и на общем лексическом фоне выглядит не совсем поэтично. Однако именно образ полольщицы способствует ощущению широты мифологического контекста и его проникновения в реальный мир.

Тема возрождения, круговорота жизни и смерти в природе, подкрепленная мифологическими параллелями, представлена образом воскрешаемого человека: разделенный на части и будто развеянный по миру, он собран воедино и вновь наделен сердцем и душой. Для возрождения

человеческой души необходима еще одна древнегреческая богиня – Психея, у Кузмина – «душа-ворожея»: «Но сердце, Психея, найдешь ты последним, // И в грудь мою вложишь, и я оживу» [Кузмин 2015, 336]. Мотив гибели и уничтожения дополнен образами огня и мельницы, однако и здесь разрушающая сила идет во благо: сожжены плевелы, мечи перемелены в муку (образ меча, в свою очередь, влечет за собой ассоциации с разрубленным телом).

Образ полотна напоминает ритуале погребения Озириса: «Сжалившись над их горем, бог солнца Ра послал с небес бога Анубиса с головой шакала, и с помощью Исида, Нефтиды, Тота и Гора он составил из кусков тело мертвого бога, спеленал его полотняными повязками и совершил над ним все обряды, которые египтяне совершали над телами покойников. После этого Исида подняла остывшую пыль взмахом своих крыльев, Осирис ожил и стал править в царстве мертвых» [Фрэзер 1983, 344]. Кроме того, в Древнем Египте полотно использовались для отжима ягод при изготовлении вина (считается, что именно Осирис научил египтян обработке винограда [Фрэзер 1983, 341]). В полотно впитывала влага, которую необходимо сохранить, – такая же задача стоит и перед поэтом.

Образ полотнища находим в стихотворении «Искусство», входящем в рассматриваемый цикл: «Туман и майскую росу // Сберу я в плотные полотна. // Закупорив в сосудец плотно, // До света в дом свой отнесу» [Кузмин 2015, 326].

В этом стихотворении также звучит тема возрождения и присутствует образ творца, которому дано воскресить прошлое: «Былой лозы прозрачный стебель // Мне снова вывести дано. // Кора и розоватый цвет – Все восстановлено из праха. // Кто тленного не знает страха, Тому уничтоженья нет» [Кузмин 2015, 326].

Таким образом, полотнища могут быть рассмотрены в качестве материи, впитывающей впечатления окружающего мира, а призыв «Дева, полотнища

полощи» как призыв к музе вернуть собранные и переосмысленные творцом-поэтом впечатления в мир.

Мотив огня, дарующего бессмертие, также звучит в мифе об Озирисе и Изиде: «Но вместо груди Исида давала ребенку сосать свой палец, а ночью принялась сжигать все, что в нем было смертного, одновременно в виде ласточки порхая вокруг столба с телом мертвого мужа и брата и жалобно щебеча. Но царица подсматривала за ней и при виде объятого пламенем ребенка испустила крик, который и помешал ему обрести бессмертие»[Фрэзер 1983, 342].

Испытание и очищение водой и огнем, пришедшие из мифа, позволяют сделать настоящее искусство – «целостной жизни плод» – бессмертным. Финал стихотворения звучит ярко, бодро и жизнеутверждающе. Текст дает возможность трактовать возрождение или даже перерождение не только как судьбу творца, в данном случае – поэта, но и как путь искусства. Вечные темы, проходя через разные временные эпохи и разные страны, преломляются, переосмысливаются, но все равно продолжают жить. Прохождение через огонь и воду является неизменным условием последующего возрождения: «Опаляем, омываем // Сердце новое влагаем».

Стихотворение напоминает ритуальное песнопение, чему способствует, в первую очередь, необычная композиция. Текст разбит на восемь строф. Первая состоит из шести строк – пяти побудительных предложений, четыре из которых совершенно идентичны с точки зрения синтаксического строения. Все шесть строк повторяются в тексте еще раз, но переставленные местами и разбитые попарно (в пары объединены рифмующиеся строки), они играют роль своеобразного припева. Характер ритуального заклинания тексту придают богатые аллитерации и ассонансы: «полотнища полощи», «пламень, плевелы пепели», «залежей живительных», «наполнен оплаканный» и т.д., внутренние рифмы: «Жница ли, подземная ль царица...», «И бродит, и водит серебряным бреднем...», «Опаляем, омываем...». Последняя строфа так же, как и первая, состоит из восклицательных предложений; шесть строк

заканчиваются словом «живет», седьмая – рифмующимся словом «плод», что делает финал стихотворения выразительным и запоминающимся.

По словам Н.А. Богомолова, «В понимании Кузмина моделью истинного искусства служили те итальянские здания, которые построены на фундаментах античных дворцов и храмов, то есть органически сочетают в себе современность и глубокую древность, уходящую во времена мифологического прошлого»[Богомолов 1995, 20], – подобное отношение было у М.А. Кузмина и к собственному творчеству: неперенное обращение к мифологическим образам и мотивам сочетается в его поэзии со стремлением к экспериментам в плане технической организации стиха, взгляд сквозь мифологическую призму придает свежесть традиционным мотивам, а контаминация разных мифологических систем обогащает образную систему и расширяет возможности интерпретации текста.

Литература:

- Богомолов М.А. Михаил Кузмин: Статьи и материалы. М., 1995.— 367 с.
- Кузмин М.А. Собрание стихов III. Несобранное и неопубликованное. Приложения. Примечания. Статьи о Кузмине. — Munchen, 1977. — 761 с.
- Кузмин М.А. Крылья: Поэзия; Проза. — М, 2015. — 592 с.
- Фрэзер Д.Д. Золотая ветвь: Исследование магии и религии. — М., 1983. — 703 с.